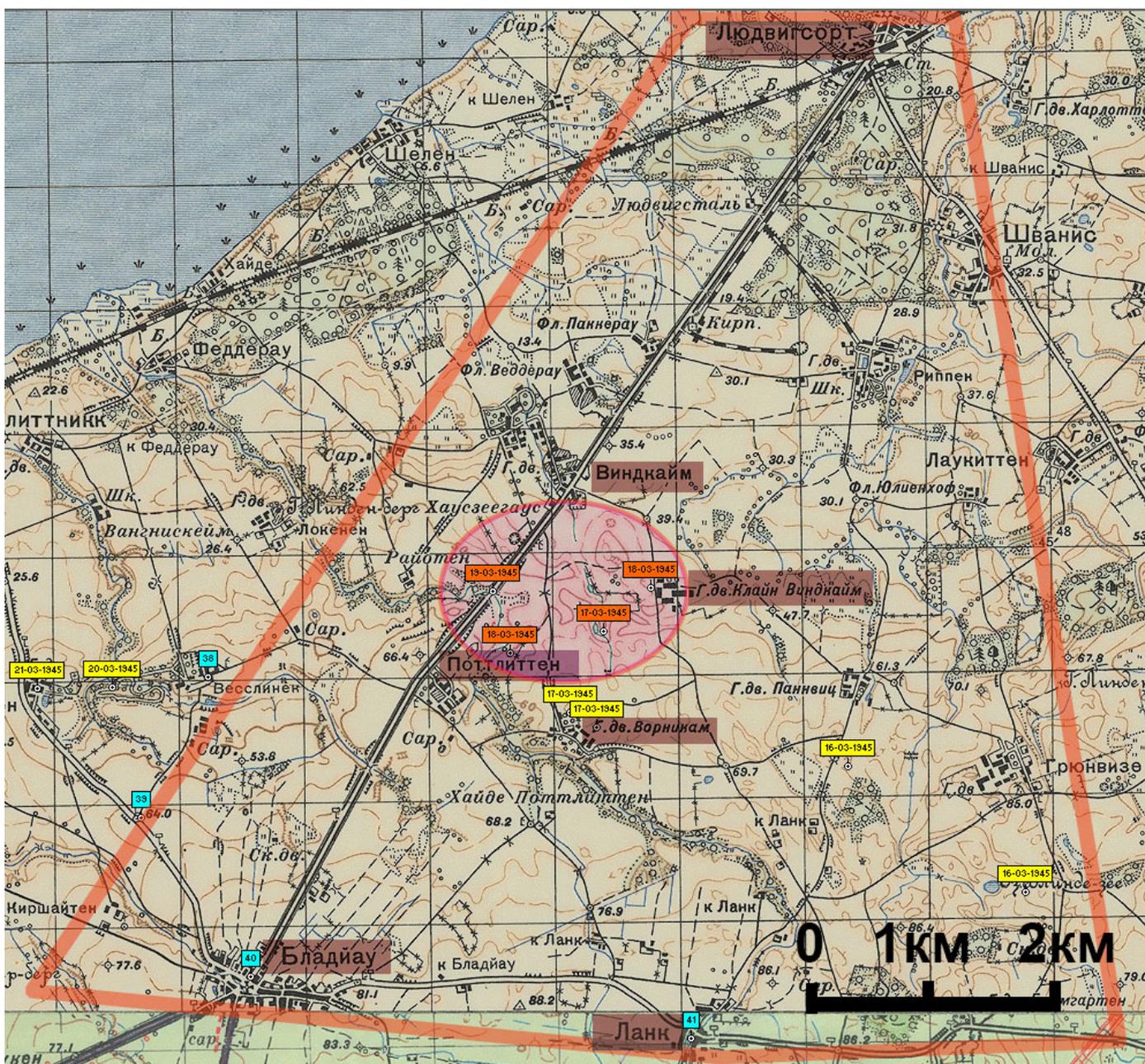

К **марту 1945 г.** уменьшившийся в размерах хайлигенбайльский котел имел ширину **50 км** и глубину в центральной части **20 км**. Район имел оборонительные инженерные укрепления, в том числе 900 железобетонных сооружений. Он был связан с Кенигсбергом узкой полоской суши. Основу оборонявшей его войсковой группировки составляла 4-я полевая армия немцев, насчитывавшая около 20 дивизий.

Наступление в районе юго-западнее Кенигсберга возобновилось **13 марта 1945 г.** после 40-минутной артиллерийской подготовки. Ураганный огонь практически всех артиллерийских и реактивных систем фронта сметал все на своем пути. Так началось генеральное сражение в районе хайлигенбайльского котла. Теперь 4-ю армию, которую не удалось отсечь от залива нашим войскам, надлежало сбросить в залив и уничтожить. Обе стороны дрались с исключительной яростью и упорством. В этих местах с маршевым пополнением для Красной армии впервые вступили в бой молодые воины 1926 года рождения. Это придало особый непредсказуемый стимул наступательному порыву наших войск, так как многие молодые солдаты, глядя на бывалых фронтовиков, хотели отличиться и внести свой вклад в победу на заключительном этапе войны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА (ПЕРИОД **13-18 МАРТА 1945 Г.**, РАЙОН **БЛАЙДАУ – ПОТТЛИТЕН – ВИНДКАЙМ – ЛАНК**):

Командование группы армий «Север» ходатайствовало перед ставкой Гитлера об эвакуации остатков 4-й армии на косу Фрише-Нерунг. Еще имелась возможность произвести через порт Розенберг отправку артиллерии, танков, штурмовых орудий, моторизованного транспорта и другой материальной части, но фюрер отклонил это предложение. Армия должна была защищать себя там, где она находилась, и обреченные на смерть солдаты фюрера должны были сражаться с особым упорством и фанатизмом

3 марта 1945. Начало генерального наступления русских на Хайлигенбайльский котел. В эти дни прерывается связь, поддерживавшаяся до сих пор по дороге вдоль побережья залива. *"В марте 1945 г. разыгралось последнее действие Розенбергско-Бранденбургской наступательной операции (10 февраля - 29 марта 1945 г.), приведшее к разгрому хайлигенбайльского котла, этого восточно-прусского Сталинграда. Заключительная фаза сражения по разгрому группировки противника, прижатой к заливу Фришес-Хафф юго-западнее Кенигсберга, возобновилась 13 марта. Это сражение не вошло в энциклопедические справочники по Великой Отечественной войне, но оно было самым тяжелым и кровопролитным во всей Восточно-Прусской стратегической наступательной операции."*

*Непролазная грязь, раскисшие дороги крайне затрудняли боевые действия пехоты и передвижение вне дорог всех видов транспорта и даже танков. Туман и постоянные дожди затрудняли в первые дни наступления применение авиации. Главный удар войск Красной армии был нацелен на г. Бранденбург (пос. Ушаково) и севернее его, чтобы окончательно прервать связь группировки противника с Кенигсбергом. Этот рубеж обороняла дивизия «Великая Германия». В ходе ожесточенного боя от батальона тяжелых танков этой дивизии осталось только три «тигра», из которых один был не на ходу из-за повреждения гусеницы и пробойны в лобовой части. 18 марта был взят **Людвигсорт**.*

Рано утром **20 марта** немецкий арьергард оставил Браунсберг. Гитлер все еще не давал согласия на перевод войск на косу Фрише-Нерунг (Вислинская). Сражение принимало уже необратимый и катастрофический характер для противника. Хайлигенбайль и порт Розенберг, через которые планировался вывод войск и военной техники 4-й армии, а также происходил вывоз раненых и беженцев, подвергались сильному постоянному артиллерийскому обстрелу и налетам нашей авиации.

22 марта на участке железной дороги, ведущей в Хайлигенбайль, и на окраине города разгорелся ожесточенный бой. В это идущее к завершению сражение в хайлигенбайльском котле вступили корабельные орудия немецкого флота, но нервы у гитлеровских солдат 4-й армии начали уже сдавать. Неистовый артиллерийский огонь наших батарей, бомбы и пушки авиации Красной армии безжалостно крушили все вокруг. Весь город был морем огня. Трудно было кому-то уцелеть в этом аду. В течение 24 марта наши войска достигли северной окраины горящего города и двинулись к вокзалу, где разгорелся последний бой за Хайлигенбайль. Солдаты двух армий находились на расстоянии 100 метров друг от друга, разделенные, в сущности, лишь железнодорожными путями, и вели губительный огонь. Пощады никто не просил, ожесточение в бою достигло наивысшего накала, и конечная цель сражения была уже предreshена.

В течение **18 - 25 марта** 405 наших бомбардировщиков сбросили 530 тонн бомб на порт Розенберг. Это был единственный порт на берегу залива, где могли грузиться тяжелые транспортные средства, артиллерия, танки и штурмовые орудия. Наши это знали, и летчики **покаялись не выпустить из порта ни одного судна**, ни одного парома, ни одной лодки, поэтому громили это место беспрестанно из всех видов оружия. Многие сотни транспортных средств всех видов, военная техника, грузовые и легковые автомобили, спецтранспорт, конные повозки стояли здесь вместе, тесно прижатые друг к другу.

Разрывы бомб опрокидывали их и, крутя, подбрасывали в воздух обломки вместе с человеческими телами. Все немецкое воинство охватили дикий страх и ужас. Массы людей поддались неопишуемой панике, все устремились на побережье, чтобы найти какую-нибудь

возможность переправиться через залив. Жалкая и жуткая была картина, но это гитлеровцам воздалось за 22 июня 1941 года.

Наконец час расплаты настал, кто не сдался, был уничтожен, остатки разбитого гарнизона противника отошли и были прижаты соединениями и частями 5-й армии на полуострове в районе Кальхольца (пос.Лозовое) и замка Бальга (пос.Веселое). **25 марта** Хайлигенбайль пал. Военный обозреватель одной из газет, которому довелось увидеть этот разгром и посчастливилось выжить, писал: **«Более жаркие и ожесточенные бои, как здесь, в Восточной Пруссии, не шли ни на одной части света».**

Наконец Гитлер утвердил перевод остатков 4-й армии на косу Фрише-Нерунг, «после того как будут переправлены артиллерия, танки, штурмовые орудия и специальные транспортные средства». Но было уже слишком поздно. Розенберг и порт с причалом представляли гору развалин, искореженных конструкций и остовов разбитых и сгоревших автомашин и боевой техники врага. Все побережье в акватории порта было завалено трупами солдат и офицеров когда-то непобедимого вермахта.

Дальше по побережью в сторону Кальхольца уже больше не было никакой возможности выполнить приказ верховного главнокомандующего ОКВ. В ночь **на 26 марта** началась переправа с помощью всех имевшихся в распоряжении плавсредств огромного количества раненых, больных и обмороженных солдат и офицеров 4-й армии, погрузка которых представляла значительные трудности. За ними - в строгом соответствии с планом остатки отдельных частей и дивизий. Из оружия брали с собой только пистолеты, карабины и отдельные пулеметы.

29 марта 1945 года в 6 часов 30 минут последний корабль отошел от побережья. Ужасное сражение, пожалуй, самое тяжелое за последние месяцы войны, закончилось. Все южное побережье залива Фришес-Хафф стало контролироваться войсками 3-го Белорусского фронта.

В воспоминаниях маршала Советского Союза А.М.Василевского в его книге «Дело всей жизни», увидевшей свет в 1975 году, в главе «Весной 45-го в Восточной Пруссии» об этих событиях говорится: «Никогда не забыть сражения на южном берегу залива Фришес-Хафф. Весеннее половодье вывело реки из берегов и превратило всю местность в болото. По колено в грязи, сквозь огонь и дым советские воины пробивались в середину немецкой группировки. Пытаясь оторваться от наших войск, противник в панике бросился к баржам, лодкам, пароходам и потом взорвал дамбу. Под хлынувшими на равнину волнами остались тысячи гитлеровских солдат. А те, кто уцелел, попали под огонь советских войск. Наши летчики обстреливали уходящие в море суда и баржи с немцами...»

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО: *«48 суток (с 10 февраля по 29 марта) продолжалась борьба против хайльсбергской группировки врага. За это время войска 3-го Белорусского фронта уничтожили 220 тысяч и пленили около 60 тысяч солдат и офицеров противника, захватили 650 танков и штурмовых орудий, до 5600 орудий и минометов, свыше 8 тысяч пулеметов, более 37 тысяч автомашин, 128 самолетов. Большая заслуга в уничтожении вражеских войск и техники на поле боя и особенно плавсредств в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и военно-морской базе Пиллау принадлежит авиации. В самый напряженный период операции, с 13 по 27 марта, 1-я и 3-я воздушные армии произвели более 20 тысяч самолето-вылетов, из них 4590 - ночью. При уничтожении противника в районе юго-западнее Кенигсберга большую помощь сухопутным войскам оказывали торпедные катера, подводные лодки и авиация Краснознаменного Балтийского флота».*

Воспоминания Вилли Бельгардта из деревни Ланк. *В результате советских бомбардировок 18 и 19 марта 1945 года, центральная и, соответственно, старая часть города были практически полностью уничтожены, а постоянные артобстрелы*

довершили разрушение. Последние эпизоды отчаянной борьбы за Хайлигенбайль разыгрались в ночь с 23 на 24 марта 1945 года.

Происходившее в городе с января до конца марта 1945 года было ужасно и вызывало сильную тревогу. Из-за быстрого продвижения наступающих советских армий с каждым днём росло число убитых и раненых. Сотни тысяч беженцев устремились в район Хайлигенбайля, чтобы по замёрзшему заливу добраться до косы Фрише, а затем, через Данциг и Пиллау, в центральную часть рейха. Улицы Хайлигенбайля, пространства между строениями были буквально забиты повозками и людьми, в самих домах расположились солдаты и гражданские лица.

13 марта 1945 года русские начали генеральное наступление на Хайлигенбайльский котёл. Приблизительно 17-18 марта 1945 года советские подразделения взяли мою родную деревню Ланк и Бладиу. 18 марта 1945 года мы, 1 офицер и 4 солдата, получили приказ покинуть Хайлигенбайль, поступив в подчинение гарнизона крепости Кёнигсберг. Честно говоря, я очень обрадовался этому известию, поскольку смог вырваться из ужасного котла, избежав участия в предстоящих кровопролитных боях. В ночь с 18 на 19 марта 1945 года русские подвергли Хайлигенбайль сильной бомбардировке, в результате которой был разрушен центр города, включая его старую часть.

Моё ранение в голову всё чаще напоминало о себе. Из-за сильных морозов и низких температур воспалились ещё не зажившие до конца раны. Лицо в области носа и рта пришлось опять заклеить пластырем. Рано утром нас привезли к располагавшейся на берегу залива пристани Розенберг.

Из записей 49-го пехотного полка (немецкого): "18 марта 1945 года. Ожесточённые бои за Варникам. Ночью продолжаем отступление. Кровопролитные оборонительные бои за Поттлиттен и южнее Локенена. Противник несёт большие потери. Войска обессилены. В 20.00 остатки полка отводятся к имению Партайнен. Русские пытаются пробиться к станции Гросс-Хоппенбрух южнее Партайнена».

Из воспоминаний бывшего военнослужащего дивизии "Герман Геринг"

Многие годы спустя мне всё ещё снились кошмары, связанные с воспоминаниями о том страшном времени. Такое невозможно забыть. 16 марта 1945 года полностью прекратилась радиосвязь. Начался заключительный акт трагедии, разыгравшейся в районе населённых пунктов Волиттник, Мюкюннен, Гросс-Хоппенбрух, Хайлигенбайль. Повсюду в воздухе слышался страшный вой, взрывались снаряды, к небу вздымались фонтаны грязи. Русские вели практически непрерывный, постоянно усиливавшийся ураганный огонь. Как можно было выдержать всё это?! Наши пулемёты молчали. А стволы русских пушек, думаю, раскалились до красна. Наступил полдень. Мы уничтожили радиостанцию, поскольку тащить её с собой не имело смысла. По радиосвязи уже давно никто не отвечал.

Вся округа в районе боевых действий была в прямом смысле слова выжжена и усеяна воронками – настоящий лунный пейзаж. Меня охватил страх и ужас. Только бы не задохнуться газами от взрывов! Внезапно перед глазами закрутились огненные круги. Они вращались всё быстрее, увеличиваясь в размере. Мне вдруг подумалось, что всё происходящее вокруг, - сон.. В течение 16 и 17 марта в Хайлигенбайльском котле происходили совершенно абсурдные, безумные вещи. Безумием было, собственно говоря, всё, что случилось в Восточной Пруссии в последние месяцы: тысячи смертей, разрушенные города и деревни.

Рассказывает Курт Эльферинг. Я был мотоциклистом-связным, но со временем на фронте сложилась такая обстановка, что мы стали просто не нужны. В Людвигсортте подразделение расформировали, а нас самих перевели в боевые соединения. Я попал в инженерно-сапёрную часть. Под артобстрелом и миномётным огнём противника мы в пешем порядке выдвинулись к населённому пункту Бладиу.

В двух километрах от нас, на дороге **Ланк – Бладиау**, находились русские, которые тоже направлялись в **Бладиау**. Мы даже могли частично наблюдать их передвижения. Одним словом, нам едва удалось добраться туда раньше русских. Всё было объято пламенем. На моих глазах с грохотом обрушилась церковь. Было начало марта, и потому заморозки сменялись оттепелью. Мы буквально тонули в вязкой грязи. Пока мы окапывались за **Бладиау**, укрепляя линию обороны, русские заняли посёлок.

Мы залегли в вытянутой лощине возле взорванного автодорожного моста, где, как полагали, могли чувствовать себя в безопасности. В первый день ничего особенного не произошло. Если не считать артиллерийского и миномётного огня противника, было относительно спокойно. Русские словно не спешили, но стрельба, тем не менее, заметно усиливалась. С левой стороны лощина слегка изгибалась. Здесь на скате находился небольшой блиндаж, в котором могли поместиться четыре человека. Кроме того, это место не простреливалось русской артиллерией, и мы забирались сюда, чтобы спокойно поспать.

Вскоре нам пришлось покинуть этот «оазис спокойствия» в лощине и окопаться в районе разрушенного моста. Внезапно недалеко от нас прорвались два русских танка Т-34, оказавшись в тылу. Поскольку никакого противотанкового оружия, кроме панцерфаустов, не осталось, мы ничего не могли сделать. Танки находились примерно в 80 метрах, мы лишь наблюдали за происходящим, не обнаруживая себя при этом. Русские, судя по всему, даже не заметили нас. Зато блиндаж оказался в зоне видимости танков. Один из них направил пушку в нашу сторону и выстрелил. Снаряд угодил точно в блиндаж. После этого танки развернулись и направились в сторону своих позиций, исчезнув за небольшим холмом. Четверых бедняг, находившихся в блиндаже, буквально разорвало на куски. Нам лишь удалось найти их солдатские жетоны. Людей охватили тяжёлые мысли. Вот она, судьба! Сначала злость от того, что пришлось оставить такое тёплое и, по нашему мнению, безопасное местечко, а теперь состояние афазии из-за смерти наших товарищей! Но война продолжалась, мы снова залегли возле взорванного моста.

Под непрерывным обстрелом противника нам, помимо прочего, приходилось стойко переносить все тяготы и лишения, связанные с погодными условиями. Из соображений безопасности мы теперь находились в одиночных окопах. Ночи были морозными, а днём светило солнце, превращая всё вокруг в сплошное грязное месиво. Вскоре Вилли Гункель был ранен осколком снаряда в колено. Ночью его на машине отвезли на перевязочный пункт (Вилли посчастливилось выбраться из котла и остаться в живых). Наше положение с каждым днём ухудшалось, всё близилось к развязке.

Как-то раз, во второй половине дня, мы, вооружённые карабинами, ручными гранатами и панцерфаустами, лежали в окопах над лощиной и, как обычно, ожидали дальнейшего развития событий. Мы находились за деревьями, приблизительно в шести метрах от дороги. Внезапно на дороге, со стороны **Бладиау** появились семь танков Т-34 и один танк ИС, на них сидели русские пехотинцы. Два наших товарища с передовой пулемётной точки сразу попали в плен. Поскольку танки шли друг за другом, не представляло особой сложности уничтожить их сосредоточенным огнём из панцерфаустов. Нам сразу удалось подбить три первых танка, продвинувшихся почти до моста. Сидевшие на них русские пехотинцы прыгнули и побежали назад. Атака была отражена, танки уничтожены. Ночью же произошло нечто невероятное.

Мы находились в окопах, когда снова услышали шум двигателей. Противотанкового оружия у нас больше не было, мы просто сидели тихо и вскоре увидели необычную картину. Это, как выяснилось, были не танки, а тягачи для эвакуации бронетехники. На наших глазах они преспокойно утянули всё, что осталось целым и могло ещё пригодиться. Русские явно не предполагали, что мы по-прежнему находимся на наших позициях. Разумеется, мы сидели тише воды, ниже травы и почти не дышали. Когда рассвело, мы увидели лишь то, что осталось от сгоревших русских танков. Оказывается, этой ночью противник прорвал оборону на флангах и захватил командный пункт нашего полка – разбитую снарядами помещицью усадьбу. Когда рано

утром я и один из моих товарищей под сильным обстрелом попытались пробраться туда, из окопов навстречу вышли русские солдаты, направив на нас дула автоматов. В этот момент было ощущение, что при просмотре фильма, участниками которого мы сами являлись, произошёл обрыв киноплёнки, и в ту же секунду мы стали героями нового фильма.

Дальше всё шло как обычно: нас быстро разоружили, обыскали, забрав буквально всё. На ногах теперь были русские сапоги. Позже я увидел ещё шестерых человек из нашего подразделения. И так, **17 марта 1945** года война для меня закончилась. Из плена я вернулся лишь в мае 1948 года.

Из воспоминаний: Мой дед вспоминал это место всю жизнь и говорил, что таких ожесточенных боев - не видел за всю войну! Хайлигенбайль стал адом для немецкой дивизии "Гросс Дойчланд" и тяжелым испытанием для бойцов 3 - го Белорусского фронта. В результате ожесточенных боев город Хайлигенбайль (в переводе с немецкого - Священная секира, и сейчас на гербе русского теперь города Мамоново их две) был взят войсками 3-го Белорусского фронта. Здесь была окружена 4 - я армия Вермахта.

Конечно, не 300 тысяч, но более 140 - тоже серьезная победа нашего оружия! Хайлигенбайльский котел стал вторым после Сталинграда по количеству пленных и убитых немцев. По воспоминаниям маршала Василевского, приехавшего после боев на берег залива - трупами людей и лошадей был завален берег и прибрежные воды залива Фришес-Хаф. Здесь нашла свой конец дивизия Великая Германия (Gross Deutschland) и остатки других немецких частей.

Фотографии из Хайлигенбальского котла:

1 Брошенные на переправе немецкие пушки и техника

2 . Спасаящиеся на плотках остатки немецкой армии

The steep coast at Balga, East Prussia—March 27-28, 1945.

Rafts on the Haff near Balga.